
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБРАЗА МИРА КАК
ОСНОВА ДИНАМИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

© 2016 г. С. Д. Смирнов

*Доктор психологических наук, профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва
e-mail: sd.smirnov@mail.ru*

Подвергается сомнению достаточно устоявшееся представление о том, что построение образа будущего начинается с анализа информации о настоящем через призму прошлого опыта. Предлагается альтернативная концепция, в которой образ ожидаемого будущего предшествует в функциональном плане образу настоящего. Согласно этой модели, любой актуальный образ возникает как результат апробации познавательной гипотезы, генерируемой субъектом навстречу внешним воздействиям (механизм “встречного уподобления” по А.Н. Леонтьеву). Без познавательной гипотезы построение образа настоящего не начинается. Целостная, многоуровневая и динамическая система таких гипотез представляет собой образ мира человека, который выполняет функцию непрерывного прогноза как средства радикальной редукции неопределенности. На основе имеющихся данных формулируются предположения об особенностях образов мира людей с разной степенью выраженности толерантности или интолерантности к неопределенности.

Ключевые слова: образ мира, антиципация, гипотеза, толерантность и интолерантность к неопределенности.

Современный мир становится все более сложным, разнообразным, непредсказуемым, противоречивым и неопределенным по многим параметрам. Специалисты в разных областях утверждают, что человечество стоит перед вызовами неопределенности и сложности [2]. В то же время человек нуждается в определенности. Без нее невозможно существование устойчивой картины мира, ориентирующей нашу деятельность и позволяющей добиваться запланированных результатов. Активность человека направлена на максимально возможное расширение островков определенности, реализуя движение от неопределенности к определенности. Но возможности такого движения ограничены сверху и снизу. Достижение полной и абсолютной определенности (предопределенности), даже если бы это было возможно, привело бы к прекращению всякой активности, ибо в этом случае она теряет смысл. С другой стороны, слишком сильная неопределенность вызывает полное расстройство деятельности, приводит к состояниям паники, хаоса, ступора или патологической тревожности. Величина этого верхнего

порога неопределенности варьирует у разных людей и у одного и того же человека в зависимости от многих факторов. Одним из наиболее важных выступает личностное свойство толерантности (и интолерантности) к неопределенности, введенное Э. Френкель-Брунстик и функционирующее в двух обозначениях – *Tolerance of ambiguity* и *Tolerance of uncertainty* [7; 20; 21]. Причем традиционно под этим термином понимается не просто терпимость к неопределенности (в ситуации принуждения к ней), но и принятие и даже активный поиск ее, ибо она воспринимается как желанная, стимулирующая, создающая чувство комфорта и удовольствия благодаря возможностям построения новых форм деятельности, развития личности, удовлетворения потребности в самореализации и самоактуализации.

Цель статьи – обосновать правомерность и эвристичность использования понятия “образ мира” в его прогностической трактовке для понимания механизма динамического контроля неопределенности в процессе построения актуального образа реальности, на основе которого осуществляется планирование и регуляция деятельности.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-06-10404.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОСТРОЕНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО?

Знакомясь с многочисленными работами, описывающими психологические процессы и закономерности построения образа будущего, читатель встретит большое число понятий, которые с трудом поддаются классификации по степени общности или содержательной специфике охватываемых ими реалий. Среди них: опережающее отражение, экстраполяция, антиципация, предвосхищение, предвидение, предсказание, предчувствие, предугадывание, прогнозирование (в том числе вероятностное), установка и преднастройка, построение модели потребного будущего, гипотезостроение, целеобразование, планирование, представление, воображение, ожидание...

Некоторые авторы считают наиболее общим психологическим понятием “опережающее отражение”, а наиболее ранним “антиципацию”. Другие видят в ряде понятий преимущественную направленность на отражение изменений реальности самой по себе, происходящих без нашего влияния на нее, в то время как понятия целеобразования, построения модели потребного будущего, планирования и др. связываются с нашим активным вмешательством в “естественный” ход событий. Последние процессы одновременно характеризуются как произвольные и осознанные. Л.А. Регуш, в частности, считает, что прогнозированием могут называться только сознательные и произвольные попытки построить образ вероятного будущего, используя знания о прошлом и настоящем; а для описания произвольных или неосознанных предвосхищений следует использовать термины предчувствия, предвидения, предсказания [11]. В противоположность этому А.В. Брушлинский предлагал закрепить термин “предвидение” за таким видом предвосхищения, которое сделано на основе развернутого и многоэтапного мыслительного процесса (например, предсказание времени и места солнечного затмения) в “отличие от собственно прогнозирования как процесса”, где мыслительный процесс сведен к минимуму [3, с. 103]. Широкую известность получили выделенные Б.Ф. Ломовым и Е.Н. Сурковым уровни антиципации: субсенсорный, сенсомоторный, перцептивный, представленческий и речемыслительный [8]. И.М. Фейгенберг определял вероятностное прогнозирование как “предвосхищение будущего, исходя из вероятностной структуры прошлого опыта и информации о наличной ситуации” [17].

Д. Канеман [4] описывает вслед за рядом авторов характеристики когнитивной сферы человека в понятиях Системы 1 и Системы 2, которые сам признает достаточно условными. Результатами работы Системы 1 выступают точные модели ситуаций и краткосрочные прогнозы, на основе которых совершаются быстрые действия. Долгосрочные и сложные прогнозы строятся достаточно медленной Системой 2. Система 1 почти не требует усилий и не дает ощущения намеренного контроля. Система 2 выполняет функцию контроля и самоконтроля, используя и при необходимости исправляя результаты работы Системы 1, которая действует в основном автоматически и произвольно, выступая основой для порождения намерений, впечатлений и чувств, которые являются главным источником убеждений и сознательных выборов Системы 2. Система 1 “предлагает молчаливую интерпретацию происходящего с нами и вокруг нас, связывая настоящее с недавним прошлым и ожиданиями относительно ближайшего будущего. Она содержит модель мира, которая мгновенно оценивает события как нормальные или удивительные” [4, с. 80].

Описанная Д. Канеманом система, отвечающая за порождение “ожиданий относительно ближайшего будущего”, созвучна приведенной выше формулировке вероятностного прогнозирования как предвосхищения будущего, исходя из вероятностной структуры прошлого опыта и информации о наличной ситуации. Аналогичные формулировки можно найти у абсолютного большинства авторов, изучающих психологические процессы построения образа будущего как начинающиеся с отражения настоящего и связывания его с прошлым и ожиданиями относительно ближайшего будущего. Эта схема почти не подвергается сомнению и кажется самоочевидной истинной. Она соответствует обобщениям когнитивной “проспективной” теории, но не учитывает конкурирующие интерпретации со стороны предполагаемых в теории деятельности механизмов порождения образа мира.

В самом деле, разве можно сомневаться в том, что для построения модели будущего предварительно нужно оценить настоящее и проанализировать его через призму прошлого опыта? Прежде чем ответить на этот вопрос, опишем, из каких составляющих складывается процесс построения модели настоящего как исходного пункта построения модели будущего, согласно все еще доминирующим на данный момент представлениям, и укажем на трудности, с которыми

этот подход сталкивается. Обычно он включает в себя следующие шаги [13].

1. Порождение и последующая селекция ощущений различных модальностей, возникающих под воздействием стимуляции.

2. Объединение полученных таким образом ощущений в целостный образ предмета за счет: а) актуализации в памяти образов, возникавших ранее под воздействием данного предмета на органы чувств той же модальности, что и актуальный стимул, а также образов, возникавших в прошлом от воздействий его на органы чувств других модальностей; б) применения к исходным чувственным данным различных операторов, выделяющих в стимуляции переменные более высоких порядков, инвариантные относительно изменяющихся условий восприятия (для зрения такими условиями являются угол наблюдения, расстояние, градиенты текстуры, относительное движение, освещенность и т.п.).

3. Осмысление полученного этим путем чувственного образа, который уже приобрел отношение к внешнему миру, с помощью таких приемов как обобщение, категоризация, абстрагирование и т.п. Схематически этот процесс можно изобразить следующим образом: S_1 (стимул) — O_1 (обработка ощущений и построение первичного образа) — P_1 (реакция, ответное действие) — S_2 — O_2 — P_2 и т.д., пока не будет получен окончательный образ O_n . Главное в этой схеме, при всем разнообразии ее конкретных вариантов, заключается в утверждении воздействующих раздражителей (стимулов) в качестве первого звена процесса, приводящего “на выходе” к появлению психического образа, который позволяет субъекту ориентировать действия по достижению поставленной цели.

Принимая *преобразование* стимульного воздействия в сенсорное событие в качестве начального пункта процесса познания реальности, данный подход не объясняет, как происходит отбор тех или иных чувственных впечатлений для дальнейшей “переработки”. В любой момент мы подвергаемся огромному (практически бесконечному) числу воздействий, которые потенциально могут быть нами восприняты и проинтерпретированы. Если мы выбираем стимулы для дальнейшей обработки вызванных ими ощущений по значимости того, что за ними стоит, то предварительно должна быть проведена работа по опознанию и выявлению значения стимулов, что мало правдоподобно с точки зрения объема временных затрат и не подтверждается фактами. Скорее можно сказать, что мы ищем нужные нам призна-

ки стимульного поля, а не занимаемся поисками подходящих значений для стимулов, навязанных нам извне [15]. Как верно отметил У. Найссер [10, с. 97–98], мы не фильтруем и не отбрасываем нерелевантные стимулы, а просто “ничего с ними не делаем”.

Этот подход, который можно назвать стимульной парадигмой, не может объяснить факты, свидетельствующие о том, что человек всегда находится в состоянии повышенной готовности к восприятию тех или иных раздражителей еще до их актуального воздействия. Они описываются терминами установки, ожидания, перцептивной готовности и т.п. С другой стороны, многочисленные феномены перцептивного дополнения или “галлюцинаторного вписывания” говорят о том, что человек часто видит реально отсутствующие части объекта или даже целые объекты (т.е. без какой-нибудь релевантной стимуляции), если их присутствие представляется правдоподобным (многочисленные примеры см. в [13]).

Стимульной парадигме можно противопоставить деятельностную парадигму, которая утверждает, что любой психический образ на уровнях познания выше ощущения имеет подлинно активную, а не реактивную природу, т.е. он не является ответом на внешнее воздействие. Стимуляция органов чувств служит не толчком к началу построения образа, а средством для проверки, подтверждения и, если необходимо, коррекции перцептивных гипотез, которые строятся субъектом непрерывно в качестве способа “вычерпывания” информации из окружающего мира. Пока гипотезы (пусть даже ошибочной) нет, процесс построения образа даже не может начаться. Именно познавательное движение субъекта навстречу миру в форме выдвижения и проверки гипотез, формулируемых в том числе и на “языке” чувственных впечатлений, является первичным звеном процесса построения образа. Процесс строится по принципу встречного уподобления с постоянным сравнением ожидаемого и реально имеющего место на чувственном входе, так что образ, который мы видим, есть не что иное как наша собственная познавательная гипотеза, апробированная сенсорными данными. Если механизм верификации построенной гипотезы по каким-либо причинам нарушается (это может иметь место при разных заболеваниях, в состоянии крайней усталости, при приеме наркотиков, в условиях перцептивной изоляции и сенсорной депривации и др.), то мы можем “увидеть” собственную гипотезу, которой ничего не отвечает во внешнем мире. Такие образы называются галлюцинаторными.

ОБРАЗ МИРА КАК СИСТЕМА РАЗНОУРОВНЕВЫХ ГИПОТЕЗ О БУДУЩЕМ И ИСХОДНОЕ ЗВЕНО ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗА НАСТОЯЩЕГО

Основной вопрос, который требует ответа в контексте излагаемых представлений о сущности процесса познания, заключается в том, откуда берутся гипотезы, на основе чего они строятся, как корректируются или перестраиваются, и чем обеспечивается высокое соответствие того, что прогнозируется, и того, что реально имеет место. Для ответа на этот вопрос можно использовать понятие “образ мира”, если его рассматривать не как средство, с помощью которого осуществляется “обработка” навязанного субъекту внешнего воздействия и превращение его (пусть даже с помощью дополнительных “тестирующих” действий) в значащий образ с последующим решением вопроса об ответе на него. Все обстоит как раз наоборот: главный вклад в процесс построения образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом. Это значит, что не образ мира выступает в качестве той промежуточной переменной, которая превращает в чувственный образ сенсорные полуфабрикаты, появляющиеся на свет в результате воздействия стимуляции на органы чувств, а напротив, сенсорные впечатления подтверждают, уточняют или запускают процесс радикальной перестройки исходного образа мира, порождающего познавательные гипотезы [13].

Если образ окружающего мира представляет собой по сути совокупность наших гипотез, то из этого можно сделать вывод о том, что по самой своей природе он носит прогностический характер, т.е. отражает не столько состояние дел в данный момент, сколько прогноз на близкое (для поверхностного уровня) или более далекое (для глубинных уровней) будущее. При этом каждая гипотеза с самого начала оказывается вписанной в контекст текущей деятельности и целостного образа мира.

Изложенные представления позволяют предположить принципиально иную функциональную структуру познавательного действия, чем та, которая предлагается *стимульной* парадигмой [14]. Ее можно назвать *деятельностной* парадигмой, согласно которой познавательное действие возникает в ответ на рассогласование прогнозируемых событий на “сенсорном входе” с тем, что реально имеет место, или в ответ на совершение самим субъектом действия, которое должно привести к прогнозируемому изменению чувственных

впечатлений, а этот прогноз не оправдывается. В первом случае познавательное действие будет строиться по схеме: $O_1 - C_1 - P_1 - O_2 - C_2 - P_2 \dots$, где O_1 – исходный образ; C_1 – стимул, не вписавшийся в исходный образ и требующий для своей ассимиляции изменения образа; P_1 – реакция (действие), вызванная рассогласованием ожидаемого и реально имеющего место сенсорного события; O_2 – модифицированный образ мира и т.д. Во втором случае процесс построения и уточнения образа начинается с собственного действия субъекта: $O_1 - D_1 - C_1 - O_2 - D_2 - C_2$ и т.д., где O_1 – исходный образ; D_1 – активное действие субъекта; C_1 – возникшее в результате действия изменение стимуляции; O_2 – уточненный образ и т.д.

Сказанное позволяет констатировать, что образ настоящего не является исходной точкой или начальным этапом в построении модели будущего по крайней мере на сенсорно-перцептивном уровне. Будущее в виде вектора прогнозируемого изменения реальности и соответствующего ему изменения чувственных данных, несущих информацию об этих потенциальных изменениях, присутствует в любом образе с самого начала, с момента его зарождения в виде познавательной гипотезы, превращающейся в образ в случае апробации чувственными данными. Мы воспринимаем и оцениваем настоящее сквозь призму того будущего, которое оно в себе таит, а не строим образ будущего, отправляясь от первоначально выстроенного образа настоящего. Опытный шахматист может увидеть мат в два хода за очень короткую экспозицию шахматной задачи, но при этом может не помнить, как стояли фигуры. Мы можем пережить чувство потенциальной угрозы (опасности) или полезности в отношении предмета, который нами не опознан. Интересен в этом отношении феномен “первовидения”, зафиксированный Е.Ю. Артемьевой, когда “визуально предъявляемые объекты первоначально оцениваются целостно, с точки зрения их эмоционально оценочных свойств (опасный или неопасный, злой или добрый, вредный или полезный) и только после этого подготовленные семантической информацией системы приступают к поаспектному перцептивному анализу” [1, с. 84].

Как в когнитивном плане, так и в плане эмоционального отражения мы фактически имеем дело не столько с настоящим, сколько с будущим. Можно говорить лишь о близком и более далеком будущем, называя первое (более близкое и спрессованное будущее) психологическим настоящим. Будущее непосредственно переходит в прошлое, и в фундаменте психического отражения лежит его прогностический характер. Грубый и бы-

стрый прогноз дается в формах интуитивно-эмоционального предвосхищения, а более точный, детальный и менее оперативный – в форме разворачивающейся во времени познавательной деятельности, предметом которой становятся события, предварительно выделенные и отраженные эмоциями. Механизмом движения от прошлого к будущему (как бы минуя настоящее) является подробно описанный выше процесс “встречного уподобления” (в терминах А.Н. Леонтьева), чему в другой теории (С.Л. Рубинштейна) может быть поставлена в соответствие терминология “анализа через синтез”, когда построение образа осуществляется в форме циклического процесса синтеза гипотезы, вырастающей из контекста текущей деятельности и актуализированной части образа мира с последующей непрерывной апробацией гипотезы чувственными данными “на входе” познавательной системы.

Разумеется, существуют задачи, когда необходимо построить прогноз далекого будущего на основе развернутого интеллектуального анализа настоящего (ближайшего будущего в нашей терминологии). В качестве примера можно привести упомянутую А.В. Брушлинским задачу предсказания места и времени солнечного затмения на основе сложных математических расчетов. В таких случаях с определенной долей условности можно сказать, что прогноз начинается с анализа настоящего, но сам образ настоящего существует в форме прогностической модели. Специфичными следует предполагать механизмы построения прогноза, если речь идет о ситуациях общения и более широко понятого межличностного взаимодействия, поскольку категориями деятельности и общения охватываются нетождественные виды активности человека [12]. О невозможности прогнозирования не связанных с прошлым опытом событий говорит Н. Талеб, вводя метафору “черного лебедя”² [16]; но здесь он спорит с авторами той же “перспективной” теории как принимающей индуктивные законы вывода.

Возвращаясь к идеям Д. Канемана, можно оценить, насколько они отличаются от изложенных выше представлений, предполагающих *прогностическую функцию образа мира*. Ведь он говорил, что “Основная функция Системы 1 – отслеживание и обновление нашей личной модели окружающего мира, описывающей, что в нем нормально и что именно от нее зависит то, как мы понимаем окружающий мир и чего от него ждем” [4, с. 98]. “Система 1 генерирует представ-

ление об окружающем мире” [там же, с. 111]. Но более внимательный анализ взглядов Д. Канемана показывает, что он постулирует отражение настоящего как исходный акт, после которого осуществляется “мгновенный” запрос к модели мира, хранящейся в ассоциативной памяти, на генерацию гипотезы [там же, с. 534]. В понятие же образа мира заложена идея непрерывной генерации гипотез, непрерывного “встречного уподобления”, выступающего как активный процесс, то есть регулируемый прежде всего системой внутренних, а не внешних детерминант. Задача построения образа настоящего “самого по себе”, в отрыве от будущего, так сказать, за вычетом векторов потенциального изменения реальности в близком или далеком будущем, может быть поставлена как специальная, но безусловно вторичная и требующая очень больших усилий.

ОБРАЗ МИРА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Гораздо более оправданным и актуальным является вопрос об оценке того, насколько адекватными, достоверными и определенными являются прогнозы потенциальных изменений элементов ситуации (или ситуации в целом) и каковы вероятности этих изменений. Такая постановка вопроса тем более оправдана, что мир человека (как уже отмечалось во введении) усложняется, становится все более разнообразным, сложным, непредсказуемым, противоречивым и в целом неопределенным. Но у человека есть потребность в определенности, она нужна нам для планирования и осуществления жизнедеятельности. Равным образом мы нуждаемся в неопределенности как предпосылке развития своей активности и своих возможностей.

Активность человека как раз направлена на максимально возможное расширение островков определенности. Но даже в той локальной определенности, к которой мы стремимся и которую наконец достигаем, нужно уметь видеть и искать новую неопределенность и быть готовым к ее преодолению.

Как жить в таком мире, как сохранить относительную адекватность своего образа мира? Первый путь – это принять многозначность мира, необходимость динамического контроля неопределенности и предполагать множественность возможных выборов саморегуляции и личностного самоопределения [5; 6 и др.]. Другие пути – жить в упрощенной картине мира либо, ссылаясь на сложность и неопределенность мира, отказаться от самостоятельности и необходимости постоян-

² Редкое и труднопрогнозируемое событие, имеющее значительные последствия – *Прим. ред.*

ного саморазвития как предпосылки преодоления этой сложности. Можно примерно очертить, что ждет человека на пути собственного развития (саморазвития) и усложнения, которое обеспечит успешную самореализацию. Речь идет о готовности и способности действовать в условиях множественности суждений, неточности, неполноте и фрагментарности, вероятности, неструктурированности, дефиците информации, изменчивости, несовместимости и противоречивости, непонятности – иначе говоря, проявлять толерантность к неопределенности.

Людам с такой толерантностью свойственны: способность размышлять над проблемой, даже если неизвестны все факты и возможные последствия принятого решения; способность принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности; способность противостоять несвязности и противоречивости информации; способность принимать неизвестное; способность выдерживать напряжение кризисных, проблемных ситуаций; готовность активно включаться в действия, решения и выборы при очевидно неоднозначной ситуации (или идее).

Интолерантную личность характеризуют: восприятие неопределенных ситуаций как источников угрозы; тенденция переходить к решениям по типу “черное/белое”; стремление принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реальное положение дел; стремление к безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми; неспособность мыслить в категориях вероятностей и стремление избегать неясного и неконкретного; склонность реагировать на неясные ситуации беспокойством и замыканием в себе; потребность в категоризации; неспособность допускать наличие позитивных и негативных характеристик в одном и том же субъекте; дихотомичность восприятия; невосприимчивость к изменяющимся и противоречивым стимулам; поиск безопасности и избегание неопределенности; предпочтение знакомого незнакомому, отторжение всего необычного и др. [7; 20].

М.А. Чумакова и С.А. Корнилов провели экспериментальный анализ латентных профилей отношения к неопределенности интолерантных личностей и показали, что только один из них прямо противоположен профилю толерантного к неопределенности и воплощает в себе перечисленные выше характеристики (условно назван “страшущимся”). Два других профиля демонстрируют важность разделения источника неопределенности (окружение или отношения с людьми). Второй профиль, “справляющийся”, характеризуется

высокими ожиданиями простоты и ясности окружения, но при этом не демонстрирует ожиданий предсказуемости поведения других людей. Отнесенные к данному профилю испытуемые не чувствуют в целом страха перед неопределенностью, но и не рассматривают ее как привлекательную. Третий профиль (“амбивалентный”) основывается на высоких ожиданиях предсказуемости и ясности в отношениях с другими людьми. Люди, отнесенные к этому профилю, одновременно и ценят неопределенность, и боятся ее [19].

Из сказанного следует ориентированность толерантных к неопределенности личностей на неопределенное будущее (что предполагалось в воззрениях С. Мадди [9]), а интолерантных – на прошлое как известное, ясное, определенное. В настоящее время именно качества толерантных к неопределенности лиц становятся все более востребованными и даже необходимыми для успеха во всех сферах жизни, включая бизнес, науку, искусство, общественную деятельность. Есть многочисленные данные о сильной выраженности этой черты у творческих личностей.

Каковы же особенности *образа мира* человека, демонстрирующего толерантность к неопределенности, можно ли выделить специфические черты его строения и функционирования? Фактически мы имеем дело с *прогностической моделью мира*, и степень определенности или неопределенности этого прогноза прямо сказывается на адекватности образа мира и его способности ориентировать наше поведение, нашу деятельность.

Разве неопределенность не делает наш образ мира менее надежным, адекватным, действенным? Как возможна желанность неопределенности, ее направленный поиск, вызываемое ею чувство комфорта и пр.? Разве образ мира не нацелен на упорядочение, систематизацию нашего знания о мире, выделение в нем знакомого (по отношению к которому мы знаем, как действовать), повышение его предсказуемости и определенности? До поры до времени соотношение в мире зон (областей) определенности и неопределенности было таково, что допускало возможность более или менее успешного существования в нем человека с преимущественной ориентацией на зоны определенности. И сейчас это в той или иной степени возможно. Но сейчас перед человеком все более отчетливо стали проступать те области реальности, которые не могут быть освоены (во всех смыслах этого слова) без умения действовать и принимать решения во все более неопределенных условиях усложняющегося и трудно предсказуемого, полного противоречий

и недоговоренностей мира. Для этого от человека требуется максимально полная включенность, напряжение духовных и физических сил, самоотдача, подлинное творчество, стремление к самоактуализации.

Для толерантного к неопределенности человека ее притягательность связана именно с тем чувством удовольствия, которое он переживает в случае позитивного *принятия неопределенности как вызова своим возможностям*, ее успешного преодоления, достижения поставленной цели при максимальной мобилизации своих сил. Но как при этом “работает” образ мира, какие ориентиры и опоры дает он нам для реализации высших форм человеческой активности? Прогнозируя ожидаемое будущее в форме познавательной гипотезы, мы всегда опираемся на матрицу вероятностей перехода того, что мы полагаем за данность (вернее того, что было апробировано с той или иной степенью приближения на основе предыдущей гипотезы), в ряд других теоретически возможных ситуаций. При этом матрица таких переходов у интолерантного к неопределенности человека будет минимизирована по числу ячеек (числу возможных ситуаций) и максимизирована по разнице величин вероятностей перехода между различными ситуациями (перехода из одной ячейки в другую). Например, одной из ожидаемых ситуаций приписывается вероятность перехода в нее, близкая к единице, а все другие вероятности полагаются близкими к нулю. Разумеется, это крайний случай, но весьма частый в обыденной жизни. В других случаях соизмеримых по величине вероятностей перехода может быть две и более, но такие случаи рассматриваются как нежелательные, вызывают страх, тревогу, избегание.

Можно предполагать, что толерантные к неопределенности люди демонстрируют тенденции, во-первых, к увеличению числа ячеек в *метафорической матрице возможностей* (более узко — в матрице вероятностей переходов), а во-вторых, склонны допускать большее число ячеек с примерно равными вероятностями исходов. Еще одна особенность предположительно заключается в различных порогах дифференциальной чувствительности к расхождениям ожидаемой с большой вероятностью ситуации и реально открывающейся, то есть к расхождению между познавательной гипотезой и событиями на “входе”, которое побуждает к модификации или смене гипотез. Отсюда склонность к черно-белому восприятию мира (разумеется, в переносном смысле этих слов) и стремление к категоризации часто за счет натяжек и подгонки реального к ожидаемому или

желаемому. Если это невозможно сделать, наступает испуг, тревога, переживание угрозы вместо конструктивной перестройки системы гипотез. Именно негибкость системы гипотез, ее излишняя жесткость, сопротивляемость перестройке и медлительность свойственны людям, отличающимся низкой степенью толерантности.

Есть основания полагать, что образ мира толерантных к неопределенности людей допускает построение более “глубоких” гипотез, забегающих на несколько шагов вперед в прогнозировании дальнейшего развития ситуации в случае реализации той или иной ячейки в матрице вероятностей переходов. Речь идет о еще более гипотетических матрицах второго или третьего порядка, образующихся внутри отдельных ячеек матрицы первого порядка и содержащих контуры (зародыши) образов будущих возможных ситуаций, если именно эта ячейка реализуется. Таким образом, сложность и глубина собственно познавательных гипотез оказываются неотделимыми от свойства толерантности—интолерантности личности к неопределенности.

Наконец, можно ожидать, что толерантные к неопределенности люди преувеличивают вероятности наступления событий с позитивным для них результатом и преуменьшают вероятности нежелательных исходов, что делает неопределенные ситуации более привлекательными для них. Обратная картина должна наблюдаться у лиц с низкой толерантностью к неопределенности, которые склонны оценивать проблемы скорее как угрожающие, нежели как содержащие вызов и открывающие новые возможности. Есть работы, подтверждающие это положение и показывающие связь тревоги и беспокойства именно с низким уровнем толерантности к неопределенности [18].

Разумеется, сформулированные выше особенности толерантных и интолерантных к неопределенности людей пока лишь частично подкреплены эмпирическими данными и нуждаются в систематической верификации. Это станет предметом дальнейших исследований в данной области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, образ мира — конструкт, характеризующий целостность познавательной сферы личности и выполняющий функцию исходного пункта и результата любого познавательного акта. Он отражает динамическую регуляцию совладания человека с неопределенностью в форме непрерывной генерации гипотез-моделей мира, по крайней мере, функционирующих не только на сенсорно-пер-

цептивном, но и на личностном, интеллектуальном уровнях; при этом каждый из них включает в себя как сознательные, так и неосознаваемые компоненты. Степень точности и достоверности таких гипотез может быть разной: от чрезвычайно высокой, когда мы даже не удосуживаемся проверить верность своих ожиданий (и на этом основаны многие иллюзии восприятия или мышления), до крайне неуверенных и приблизительных гипотез в случае чрезвычайно обедненного контекста и/или при большом количестве новых элементов ситуации. Если на сенсорно-перцептивном уровне гипотеза явно ошибочна, и отдельные ощущения не получают характера устойчивых структур, а наши ожидания относительно направления изменений чувственных впечатлений при совершении тех или иных действий окажутся неподтвержденными, то происходит смена гипотезы за счет включения ранее не учтенных связей и отношений, а также на основе расширения или изменения контекста, в котором берутся данный объект или ситуация. Тем самым наше представление о мире модифицируется, уточняется, обогащается новыми связями между объектами. Если построение новой гипотезы не происходит в силу разного рода непреодоленных трудностей и возникают неопределенные ощущения, появляется переживание отчужденности внешнего мира и измененных состояний сознания.

Такая интерпретация образа мира позволяет переосмыслить идею построения образа будущего как анализа настоящего сквозь призму вероятностной структуры прошлого опыта. Будущее присутствует в любом образе с самого начала (с момента его зарождения) в виде вектора прогнозируемого изменения реальности и соответствующего ему изменения чувственных данных. Механизм построения образа в виде “встречного уподобления”, представляющего собой циклический процесс непрерывного синтеза и апробации гипотез, вырастающих из контекста текущей деятельности и актуализированной части образа мира, и представляет собой основную форму познавательной активности субъекта. Одновременно эта активность выступает как форма преодоления неполноты, неточности, ограниченности и других аспектов неопределенности нашего образа мира.

Иногда неопределенность наших знаний о мире называют субъективной неопределенностью. Но в мире существует и объективная неопределенность, которая не зависит от нашей познавательной деятельности и растет по мере усложнения самого мира, бросая вызов способностям человека осуществлять успешную деятельность в условиях стремительно растущей неопределенности. В

таких условиях нельзя добиться успеха в преодолении неопределенности только за счет эффективной познавательной деятельности. Здесь на сцену выступают требования к личностным качествам человека, важнейшим из которых, по мнению многих авторов, является толерантность к неопределенности, которая понимается не просто как терпимость к неопределенности (в ситуации принуждения к ней), но предполагает принятие и даже активный ее поиск, ибо воспринимается как желанная, стимулирующая, создающая чувство комфорта и удовольствия благодаря возможностям построения новых форм деятельности, развития личности, удовлетворения потребности в самореализации и самоактуализации. В статье перечисляется ряд особенностей образа мира толерантных к неопределенности людей, которые нуждаются в дальнейшей эмпирической верификации и всестороннем изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемяева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
2. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40 (1). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40.html>
3. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
4. *Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2013.
5. *Корнилова Т.В.* Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности / Психология саморегуляции в XXI веке / Под ред. В.И. Моросановой. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 142–162.
6. *Корнилова Т.В.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психол. журн. 2013. Т. 34. № 3. С. 89–100.
7. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
8. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
9. *Мадди С.* Смыслообразование в процессах принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
10. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.

11. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003.
12. *Смирнов С.Д.* Место понятия “общение” в психологической теории деятельности // *Вопр. психол.* 2013. № 3. С. 81–91.
13. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985.
14. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления // *Мир психологии.* 2003. № 3. С. 18–31.
15. *Столин В.В.* Исследование порождения зрительного пространственного образа // *Восприятие и деятельность.* М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 101–208.
16. *Тaleb Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2013.
17. *Фейгенберг И.М.* Вероятностное прогнозирование // *Краткий психологический словарь.* М.: Политиздат, 1985. С. 39.
18. *Шалаев Н.В.* Толерантность к неопределенности в психологических теориях // *Человек в ситуации неопределенности* / Под ред. А.К. Болотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 34–48.
19. *Chumakova M.A., Kornilov S.A.* Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence for multiple latent profiles // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2013. Vol. 6. No. 4. P. 94–108.
20. *Frenkel-Brunswick E.* Tolerance towards ambiguity as a personality variable // *The American Psychologist.* 1948. No. 3. P. 268.
21. *Furnham A., Marks J.* Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // *Psychology.* 2013. Vol. 4. No. 9. P. 717–728.

THE PROGNOSTIC ORIENTATION OF WORLD IMAGE AS THE BASIS FOR THE DYNAMIC CONTROL OF UNCERTAINTY

S. D. Smirnov

Sc.D. (psychology), professor, psychological department, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

The article challenges the conventional notion of world image construction being heavily rooted in the analysis of the present through the lens of the past. Instead, we propose an alternative conceptualization that postulates that the image of the expected future functionally precedes the image of the present. According to this model, any image is the result of the testing of a cognitive hypothesis that is generated “towards” external influences (according to the mechanism of “reciprocal assimilation” proposed by A.N. Leontiev). There is no building the image of the present without a cognitive hypothesis. A coherent, multilevel dynamic system of such hypotheses forms the world image that continuously generates forecasts as the means to radically reduce uncertainty. Based on existing empirical evidence, we also put forward several hypotheses regarding the peculiarities of the world image in individuals with different levels of tolerance/intolerance for uncertainty.

Key words: world image, anticipation, hypothesis, tolerance and intolerance for uncertainty.